

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ

СКАЗКА ОБ ИВАНЕ-ДУРАКЕ
И ЕГО ДВУХ БРАТЬЯХ:
СЕМЕНЕ-ВОИНЕ
И ТАРАСЕ-БРЮХАНЕ, И НЕМОЙ
СЕСТРЕ МАЛАНЬЕ, И О СТАРОМ
ДЬЯВОЛЕ И ТРЕХ ЧЕРТЕНЯТАХ

Лев Толстой

**Сказка об Иване-дураке и его
двух братьях: Семене-воине
и Тарасе-брюхане, и немой
сестре Маланье, и о старом
дьяволе и трех чертенятах**

«Public Domain»

1886

Толстой Л. Н.

Сказка об Иване-дураке и его двух братьях: Семене-воине и Тарасе-брюхане, и немой сестре Маланье, и о старом дьяволе и трех чертенятах / Л. Н. Толстой — «Public Domain», 1886

«В некотором царстве, в некотором государстве жил-был богатый мужик. И было у богатого мужика три сына: Семен-воин, Тарас-брюхан и Иван-дурак, и дочь Маланья-векоуха, немая. Пошел Семен-воин на войну, царю служить, Тарас-брюхан пошел в город к купцу, торговать, а Иван-дурак с девкою остался дома работать, горб наживать. Выслужил себе Семен-воин чин большой и вотчину и женился на барской дочери. Жалованье большое было и вотчина большая, а всё концы с концами не сводил: что муж соберет, все жена-барыня рукавом растрясет; все денег нет. И приехал Семен-воин в вотчину доходы собирать. Приказчик ему и говорит...»

Содержание

I	5
II	6
III	8
IV	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Сказка об Иване-дураке и его двух братьях: Семене-воине и Тарасе-брюхане, и немой сестре Маланье, и о старом дьяволе и трех чертенятах

I

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был богатый мужик. И было у богатого мужика три сына: Семен-воин, Тарас-брюхан и Иван-дурак, и дочь Маланья-векоуха, немая. Пошел Семен-воин на войну, царю служить, Тарас-брюхан пошел в город к купцу, торговать, а Иван-дурак с девкою остался дома работать, горб наживать. Выслужил себе Семен-воин чин большой и вотчину и женился на барской дочери. Жалованье большое было и вотчина большая, а всё концы с концами не сводил: что муж соберет, все жена-барыня рукавом растрясет; все денег нет. И приехал Семен-воин в вотчину доходы собирать. Приказчик ему и говорит:

– Не с чего взять; нет у нас ни скотины, ни снасти, ни лошади, ни коровы, ни сохи, ни бороны; надо всего завести – тогда доходы будут.

И пошел Семен-воин к отцу:

– Ты, – говорит, – батюшка, богат, а мне ничего не дал. Отдели мне третью часть, я в свою вотчину переведу.

Старик и говорит:

– Ты мне в дом ничего не подавал, за что тебе третью часть давать? Ивану с девкой обидно будет.

А Семен говорит:

– Да ведь он дурак, а она векоуха немая; чего им надо?

Старик и говорит:

– Как Иван скажет.

А Иван говорит:

– Ну что ж, пускай берет.

Взял Семен-воин часть из дома, перевел в свою вотчину, опять уехал к царю служить.

Нажил и Тарас-брюхан денег много – женился на купчихе, да все ему мало было, приехал к отцу и говорит:

– Отдели мне мою часть.

Не хотел старик и Тарасу давать часть.

– Ты, – говорит, – нам ничего не подавал, а что в доме есть, то Иван нажил. Тоже и его с девкой обидеть нельзя.

А Тарас говорит:

– На что ему, он дурак; жениться ему нельзя, никто не пойдет, а девке немой тоже ничего не нужно. Давай, – говорит, – Иван, мне хлеба половинную часть; я снасти брать не буду, а из скотины только жеребца сивого возьму, – тебе он пахать не годится.

Засмеялся Иван.

– Ну что ж, – говорит, – я пойду обротаю.

Отдали и Тарасу часть. Увез Тарас хлеб в город, увел жеребца сивого, и остался Иван с одной кобылой старой по-прежнему крестьянствовать – отца с матерью кормить.

II

Досадно стало старому дьяволу, что не поссорились в дележе братья, а разошлись по любви. И кликнул он трех чертенят.

– Вот видите, – говорит, – три брата живут: Семен-воин, Тарас-брюхан и Иван-дурак. Надо бы им всем перессориться, а они мирно живут: друг с дружкой хлеб-соль водят. Дурак мне все дела испортил. Подите вы втроем, возьмитесь за троих и смутите их так, чтобы они друг дружке глаза повыдрали. Можете ли это сделать?

– Можем, – говорят.

– Как же вы делать будете?

– А так, – говорят, – сделаем: разорим их сперва, чтоб им жрать нечего было, а потом собьем в одну кучу, они и передерутся.

– Ну, ладно, – говорит, – я вижу – вы дело знаете; ступайте и ко мне не ворочайтесь, пока всех троих не смутите, а то со всех троих шкуру спущу.

Пошли чертенята все в болото, стали судить, как за дело братья; спорили, спорили, каждому хочется полегче работу выгадать, и порешили на том, что жеребий кинуть, какой кому достанется. А коли кто раньше других отделается, чтоб приходил другим подсоблять. Кинули жеребий чертенята и назначили срок, опять когда в болоте собраться, узнать, кто отделался и кому подсоблять идти.

Пришел срок, и собрались по уговору чертенята в болоте. Стали толковать, как у кого дела. Стал рассказывать первый чертенок – от Семена-воина.

– Мое дело, – говорит, – ладится. Завтра, – говорит, – мой Семен домой к отцу придет.

Стали его товарищи спрашивать:

– Как ты, – говорят, – сделал?

– А я, – говорит, – первым делом храбрость такую на Семена навел, что он обещал своему царю весь свет завоевать, и сделал царь Семена начальником, послал его воевать индейского царя. Сошлись воевать. А я в ту же ночь в Семеновом войске весь порох подмочил и пошел к индейскому царю из соломы солдат наделал видимо-невидимо. Увидали Семеновы солдаты, что на них со всех сторон соломенные солдаты заходят, – заробели. Велел Семен-воин палить: пушки, ружья не выходят. Испугались Семеновы солдаты и побежали, как бараны. И побил их индейский царь. Осрамился Семен-воин, отняли у него вотчину и завтра казнить хотят. Только мне на день и дела осталось, из темницы его выпустить, чтобы он домой убежал. Завтра отделаюсь, так сказывайте, кому из двух помогать приходиться?

Стал и другой чертенок, от Тараса, рассказывать про свои дела.

– Мне, – говорит, – помогать не нужно. Мое дело тоже на лад пошло, больше недели не проживет Тарас. Я, – говорит, – первым делом отрастил ему брюхо и навел на него зависть. Такая у него зависть на чужое добро сделалась, что, что ни увидит, все ему купить хочется. Накупил он всего видимо-невидимо на все свои деньги и все еще покупает. Теперь уж стал на заемные покупать. Уж много на шею набрал и запутался так, что не распутается. Через неделю сроки подойдут отдавать, а я из всего товара его навоз сделаю – не расплатится и придет к отцу.

Стали спрашивать и третьего чертенка, от Ивана.

– А твое дело как?

– Да что, – говорит, – мое дело не ладится. Наплевал я ему первым делом в кувшин с квасом, чтобы у него живот болел, и пошел на его пашню, сбил землю, как камень, чтоб он не осилил. Думал я, что он не вспашет, а он, дурак, приехал с сохой, начал драть. Кряхтит от живота, а сам все пашет. Изломал я ему одну соху – поехал дурак домой, переладил другую, подвои новые подвязал и опять принялся пахать. Залез я под землю, стал за сошники держать, не удержишь никак – налегает на соху, а сошники острые: изрезал мне руки все. Почти все

допахал, одна только полоска осталась. Приходите, – говорит, – братцы, помогать, а то, как мы его одного не осилим, все наши труды пропадут. Если дурак останется да крестьянствовать будет, они нужды не увидят, он обоих братьев кормить будет.

Пообещал чертенок от Семена-воина назавтра приходить помогать, и разошлись на том чертенята.

III

Вспахал Иван весь пар, только одна полоска осталась. Приехал допахивать. Болит у него живот, а пахать надо. Выхлестнул гужи, перевернул соху и поехал пахать. Только завернулся раз, поехал назад – ровно за корень зацепило что-то – волочет. А это чертенок ногами вокруг рассохи заплел – держит. «Что за чудо! – думает Иван. – Корней тут не было, а корень». Запустил Иван руку в борозду, ощупал – мягкое. Ухватил что-то, вытащил. Черное, как корень, а на корне что-то шевелится. Глядь – чертенок живой.

– Ишь ты, – говорит, – пакость какая!

Замахнулся Иван, хотел о приголовок пришибить его, да запищал чертенок:

– Не бей ты меня, – говорит, – а я тебе что хочешь сделаю.

– Что ж ты мне сделаешь?

– Скажи только, чего хочешь.

Почесался Иван.

– Брюхо, – говорит, – болит у меня – поправить можешь?

– Могу, – говорит.

– Ну, лечи.

Нагнулся чертенок в борозду, пошарил, пошарил когтями, выхватил корешок-тройчатку, подал Ивану.

– Вот, – говорит, – кто ни проглотит один корешок, всякая боль пройдет.

Взял Иван, разорвал корешки, проглотил один. Сейчас живот прошел.

Запросился опять чертенок.

– Пусти, – говорит, – теперь меня, я в землю проскочу – больше ходить не буду.

– Ну что ж, – говорит, – бог с тобой!

И как только сказал Иван про бога – юркнул чертенок под землю, как камень в воду, только дыра осталась. Засунул Иван два остальных корешка в шапку и стал допахивать. Запахал до конца полоску, перевернул соху и поехал домой. Отпряг, пришел в избу, а старший брат, Семен-воин, сидит с женой – ужинают. Отняли у него вотчину, – насилие из тюрьмы ушел и прибежал к отцу жить.

Увидал Семен Ивана.

– Я, – говорит, – к тебе жить приехал; корми нас с женой, пока место новое выйдет.

– Ну что ж, – говорит, – живите.

Только хотел Иван на лавку сесть – не понравился барыне дух от Ивана. Она и говорит мужу:

– Не могу я, – говорит, – с вонючим мужиком вместе ужинать.

Семен-воин и говорит:

– Моя барыня говорит, от тебя дух не хорош – ты бы в сенях поел.

– Ну что ж, – говорит. – Мне и так в ночное пора – кобылу кормить.

Взял Иван хлеба, кафтан и поехал в ночное.

IV

Отделался в эту ночь чертенок от Семена-воина и пришел по уговору Иванова чертенка искать – ему помогать дурака донимать. Пришел на пашню; поискал, поискал товарища – нет нигде, только дыру нашел. «Ну, думает, видно с товарищем беда случилась, надо на его место становиться. Пашня допахана – надо будет дурака на покосе донимать».

Пошел чертенок в луга, напустил на Иванов покос паводок; затянуло весь покос грязью. Вернулся на зорьке Иван из ночного, отбил косу, пошел луга косить. Пришел Иван, стал косить; махнет раз, махнет другой – затупится коса, не режет, точить надо. Бился, бился Иван.

– Нет, – говорит, – пойду домой, отбой принесу да и хлеба ковригу. Хоть неделю пробьюсь, а не уйду, пока не выкошу.

Услыхал чертенок – задумался.

– Калян, – говорит, – дурак этот, не проймешь его. Надо на другие штуки подниматься.

Пришел Иван, отбил косу, стал косить. Залез чертенок в траву, стал косу за пятку ловить, носком в землю тыкать. Трудно Ивану, однако выкосил покос – осталась одна делянка в болоте. Залез чертенок в болото, думает себе:

«Хоть лапы перережу, а не дам выкосить».

Зашел Иван в болото; трава – смотреть – не густая, а не проворотить косы. Рассердился Иван, начал во всю мочь махать; стал чертенок подаваться – не поспекает отскакивать; видит – дело плохо, забился в куст. Размахнулся Иван, шаркнул по кусту, отхватил чертенку половину хвоста. Докосил Иван покос, велел девке грести, а сам пошел рожь косить.

Вышел с крюком, а кургузый чертенок уж там, перепутал рожь так, что на крюк нейдет. Вернулся Иван, взял серп и принялся жать – выжал всю рожь.

– Ну, теперь, – говорит, – надо за овес браться.

Услыхал кургузый чертенок, думает: «На ржи не донял, так на овсе дойму, дай только утра дожждаться». Прибежал чертенок утром на овсяное поле, а овес уже скошен: Иван его ночью скосил, чтоб меньше сыпался. Рассердился чертенок.

– Изрезал, – говорит, – меня и замучил дурак. И на войне такой беды не видал! Не спит, проклятый, за ним не поспеешь! Пойду, – говорит, – теперь в копны, прогною ему все.

И пошел чертенок в ржаную копну, залез между снопами – стал гноить: согрел их и сам согрелся и задремал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.